

ЭНТРОПИЯ ДУШИ:
ВИХРЬ МЕСТИ

18+

Эльза Forest

Энтропия души: Вихрь мести

<https://litres.ru/74235752>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где предательство запускает энтропию души, месть перестаёт быть целью и становится единственным правилом жестокой игры.

Враги думают, что играют с человеком, но они лишь разбудили то, что спало глубоко внутри. Когда боль выжигает последнюю надежду, в груди разверзается персональный ад — не метафора, а реальный уровень игровой доски. Из этой раскалённой бездны поднимается монстр из преисподней: первобытная ярость, у которой нет лица, есть только жажда мести.

Теперь это игра на выживание, где правила устанавливает сам демон. Он заманивает врагов в лабиринт их собственных страхов, играет с ними в кошки-мышки, наслаждаясь их паникой, прежде чем нанести удар. Но главная ловушка этой игры в том, что охотник и зверь заперты в одном теле. Чтобы уничтожить всех врагов в этом аду, монстру придётся сожрать того самого человека, который его создал.

Содержание

Пролог. Тень командира	4
Глава 1. Энергия и ее цена	7
Глава 2. От эскиза к встрече	20
Глава 3. На грани	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эльза Forest

Энтропия души: Вихрь мести

Пролог. Тень командира

Дождь в Шиное — это не вода с неба, это помои, которые город выливает сам на себя. Он пах озоном и гниющим мусором, превращая пыль под ногами в чавкающую, бурую жижу. Я шла по центру этого мокрого ада, и пространство вокруг меня искажалось. Не потому, что я этого хотела — просто такова была природа моего дара. Люди инстинктивно расходились, уступая дорогу не мне, а двум фигурам, что двигались впереди и позади.

Дориан шёл впереди. Я видела его спину, прямую, как лезвие ножа. Он не был самым высоким или мускулистым в нашей компании. Но когда он двигался, казалось, что сама реальность расступается перед ним, боясь получить пощёчину. Его шаги были беззвучны даже в этих лужах. Взгляд — пуст. Он смотрел на мир так, словно тот был скучным фильмом, который он уже видел сотню раз и знал концовку.

Замыкал шествие Линкольн. В отличие от босса, он не скрывался — его присутствие было невозможно не заметить.

Грохот тяжёлых армейских ботинок по асфальту шёл волнами, а вибрация от каждого шага отчётливо передавалась через покрытие и ощущалась подошвами моих кед.

— Слышь, Итан, — голос Линкольна был жёстким, почти скрипучим, — не горячись так, дебил!

Я перевела взгляд на сцену сбоку. Итан — здоровяк с лицом, будто высеченным из камня тупым зубилом, — только что закончил избивать какого-то пацана. Он обернулся на голос, и его глаза налились кровью.

— А то что? — прорычал он.

Линкольн не ответил. Он просто шагнул вперёд и ударил. Не рукой — это было бы слишком по-детски. Я увидела лишь смазанное движение его ноги. Нога в тяжёлом ботинке с влажным хрустом врезалась в живот Итана. Удар был коротким, экономным и абсолютно разрушительным. Я почувствовала, как выплеснулась его боль — короткий, резкий импульс. Парень издал звук, похожий на сдувающийся воздушный шарик, и рухнул на оба колена прямо в лужу.

Зеваки замерли. Воздух загустел от напряжения и запаха пота. Я не стала забирать эту энергию. Слишком грязная, слишком злая — от неё потом будет болеть голова.

Дориан даже не обернулся на звук удара. Он смотрел на другого парнишку. Тощий блондин сидел у стены, прижимая к животу учебники. Кровь из разбитой губы капала на страницу с математикой. Но он не отводил взгляда от приближающегося главаря.

— Ты организатор? — голос командира был тихим, но в повисшей тишине он прозвучал как выстрел.

Блондин сглотнул: — Н-нет... Я просто... тут был... — А звать как? — Энтони.

Я видела этот взгляд Дориана тысячи раз. Пустота изучала пустоту. Это было не презрение и не гнев. Это было... безразличие высшего порядка. Словно он смотрел на камень или на пролетающую мимо муху.

Затем его губы едва заметно дрогнули. — Что-то в нём мне понравилось... — пробормотал он себе под нос и отвернулся. — У него в голове всё спонтанно, — вздохнул Линкольн, вытирая подошву ботинка о плечо всё ещё хрипящего Итана. — Куда направляемся? — спросила я, поправляя маску. Ткань уже промокла от дождя и неприятно липла к коже. — Жрать охота, — бросил Дориан через плечо и двинулся дальше по переулку.

Глава 1. Энергия и ее цена

Будильник вырвал меня из сна безжалостно и резко. Я нащупала телефон, не открывая глаз, и выключила назойливый писк. В комнате было темно и тихо, и на секунду показалось, будто весь мир замер вместе со мной — но лишь на секунду. Мысль «ещё пять минут» прозвучала как слабая попытка обмануть время, которое уже отсчитывало минуты до неизбежного выхода в реальность.

Я вскочила с кровати и машинально натянула школьную форму, двигаясь по давно заученному сценарию утренних сборов. Маска, лежавшая на тумбочке, манила своим безмолвным обещанием защиты. Я взяла её в руки: холодная ткань коснулась пальцев, напоминая о ежедневной трансформации. Надеть маску — значит превратиться в Юнами Рус, спрятать под ней шрам и всё то, что я не готова показать миру.

Завтрак прошёл под гул телевизора. Мама суежилась на кухне, но не задавала лишних вопросов — она понимала, что расспросы о вчерашнем дне ни к чему хорошему не приведут. Я выпила кофе, съела тост и, накинув капюшон толстовки поверх школьной формы, выскочила на улицу: утренний воздух оказался по-осеннему неприятным.

Холод пробирал до костей, пока я шла по улицам, где жизнь уже кипела: водители сигналили, пешеходы спешили,

витрины магазинов мигали рекламой. Но стоило мне переступить порог школы, как всё это осталось за спиной. Здание отрезало меня от хаоса города, предложив взамен свой — тщательно выстроенный, строгий порядок. Школа была островком фальшивой нормальности в океане городского безумия. Запах мела, пластика и тушёной капусты в столовой вызывал у меня лёгкую тошноту. Здесь всё было слишком стерильно. Как декорация к дешёвой дораме.

Я глубоко вздохнула и направилась по знакомому коридору к кабинету своего нового класса. Дверь была приоткрыта, из-за неё доносился звон голосов. Когда я вошла, разговоры тут же стихли. Мой новый класс встретил меня перешёптываниями. Все взгляды невольно цеплялись за синие волосы — краска уже начала сходить, обнажая у корней глубокий иссиня-чёрный цвет. А чёрная маска, скрывавшая пол-лица, только усиливала эффект чужеродности: очевидно, это был не лучший способ слиться с новой толпой.

— Как тебе разрешили с такими волосами?.. А маска?.. Можно потрогать?..

Вопросы жужжали вокруг надоедливymi мухами. Одна особенно наглая девица с пальцами-сосисками протянула руку к моей пряди. Я видела её энергию: тусклая, розовая клякса жадности и глупости.

Я перехватила запястье. Хватка была стальной.

— Не надо, — мой голос из-под маски прозвучал глухо и очень убедительно.

Девушка побледнела и осела на пол, словно из неё разом выдернули все кости. Класс ахнул. Их страх был густым и тошнотворным, как приторный сироп. Я поморщилась и отпустила её руку.

И только один человек не издал ни звука. Тот самый блондинчик из переулка. Энтони Клэрк. Он сидел у окна и смотрел на меня без страха. С любопытством.

— Ты одарённая? — спросил он тихо, когда шум стих.

— Да.

Он кивнул сам себе:

— Я так и думал.

Резкий, дребезжащий звук вонзился в уши, заставив всех вздрогнуть. Учитель математики, с залысинами, проступающими на висках, и непроизвольным подёргиванием века, начал монотонно бубнить что-то про логарифмы у доски. Скука смертная. Его голос, тягучий и однообразный, заполнял класс — пока тишину не расколол внезапный грохот.

Дверь распахнулась с такой силой, что хлипкий замок не выдержал и слетел с петель. Учитель замер на полуслове, так и не успев повернуться. На пороге стояли они: хаос во плоти.

— Юнами! Энтони! Валим отсюда! У нас дела! — рявкнул Линкольн так, что стёкла задрожали.

Учитель вдруг побледнел. Его лицо утратило всякий оттенок цвета — оно стало бледнее, чем у той девушки, что сейчас лежала в медпункте.

— Господа... но ведь урок... звонок же прозвенел...

Я закатила глаза. *Вечно одно и то же.*

Энтони сидел с открытым ртом, глядя на вторжение байкеров в святую святых образования.

— Эй! Рот закрой! Вставай давай! — я ткнула его кулаком в плечо.

Парень подпрыгнул на месте, как ужаленный. Его взгляд всё ещё был прикован к моим друзьям, но я решительно развернула его к двери.

В коридоре царил переполох: разбросанные рюкзаки, опрокинутый стенд с объявлениями, а посреди всего этого — та самая «живописная куча-мала». Линкольн «поговорил» с одиннадцатиклассниками, которые имели неосторожность попасться под руку или просто косо посмотреть на меня ранее.

— Неплохо ты их отделал! — оценила я, прикидывая траекторию прыжка.

— Они смотрели на тебя как на мясо! — гордо заявил друг. Его энергия бурлила от удовольствия. — Пацаны! Стройся! Ложись!

Побитые подростки зашевелились и начали неуклюже укладываться в ряд вдоль стены.

— Зря вы так далеко легли... — усмехнулась я под маской. Их страх был таким густым, что его можно было резать ножом. — Сейчас будет больше!

Я разбежалась и прыгнула прямо по их спинам к выходу из школы. Под подошвами кед я чувствовала вибрацию их

тел: кто-то тихо скулил от боли, кто-то просто боялся дышать. Это было похоже на игру в классики на живых кочках — каждый шаг отдавался стоном, а я старалась держать равновесие, чтобы не потерять темп.

— Это будет веселее уроков математики! — крикнул мне вслед Энтони, и его смех эхом разнёсся по коридору, смешиваясь с приглушёнными вздохами тех, кто оказался подо мной.

Едва я приземлилась у двери и обернулась, чтобы бросить озорную улыбку в сторону ребят, как из бокового коридора стремительно вышла девушка. Её шаги были решительными, а взгляд сосредоточенно скользил по толпе, пока не остановился на нашей группе.

Она была невысокой, но в её походке чувствовалась такая внутренняя сила, что невольно хотелось расступиться. Короткие, чуть растрёпанные пепельно-русые волосы обрамляли лицо с чёткими чертами: высокие скулы, прямой нос и ярко очерченные брови, сведённые сейчас в напряжённой дуге. Глаза — тёмные, почти чёрные — сверкали неукротимым огнём. На ней была обычная школьная форма, но выглядела она так, словно девушка только что вырвалась из схватки: пиджак слегка перекошен, одна пуговица на блузке расстегнулась, а манжеты рубашки закатаны до локтей, обнажая тонкие, но жилистые запястья. На плече висела кожаная сумка, из которой торчали уголки бумаг и ручка.

В тот же миг всё вокруг замерло: разговоры стихли, кто-то

застыл на полуслове, а любопытные взгляды, которые только что были обращены на меня, теперь устремились в её сторону. Даже Энтони умолк на полуслове, его смех оборвался. Девушка направлялась прямо к нам. В её осанке читалась твёрдая решимость, а сжатые кулаки говорили о том, что она пришла не просто так. Я невольно задержала дыхание, чувствуя, как атмосфера в коридоре меняется — веселье и беззаботность последних минут растворились в ожидании.

— Ева?! — удивлённо воскликнул блондин, его брови взметнулись вверх, а в голосе прозвучало неподдельное изумление.

Ева уже стояла рядом с Дорианом, её поза была напряжённой, кулаки слегка сжаты, но в глазах читалась непреклонная воля.

— Не позволю, чтобы Энтони опять избивали, — произнесла она, и прежде чем кто-либо успел отреагировать, резко подняла руку и звонко ударила командира «Элигии» по щеке.

Наши лица с Линкольном — да и, пожалуй, всех, кто вышел из класса поглазеть на происходящее, — надо было видеть. У меня перехватило дыхание, а заместитель командира замер с приоткрытым ртом, его глаза расширились от шока. Ребята позади тихо ахнули, некоторые нервно хихикнули, но тут же замолкли.

Не теряя ни секунды, Ева схватила Энтони за руку и стремительно потащила в сторону от нас, прочь от толпы. Я ин-

стинктивно напряглась, чувствуя, как внутри просыпается желание использовать свой дар, чтобы остановить их, вмешаться, предотвратить плохое Но Дориан, стоявший рядом, мягко, но твёрдо положил руку мне на плечо.

— Не надо, Юна, — тихо произнёс он, и в его голосе прозвучала странная смесь понимания и предостережения.

Тут в разговор вмешался Линкольн. Его голос прозвучал с ноткой раздражения:

— Эй, малявка, дала пощёчину и свалила? Кем ты себя возомнила? — он сделал шаг вперёд, его фигура, высокая и внушительная, нависла над девушкой.

Ева развернулась к нему, её глаза сверкнули, но она не отступила.

— Как ты хочешь умереть? — вдруг холодно спросил босс, и его тон заставил даже Линкольна слегка опешить.

В этот момент командир вдруг шагнул вперёд. Его лицо стало жёстким, а голос прозвучал угрожающе:

— Да я пошутил, — бросил он, но его слова прозвучали неубедительно.

Он медленно подошёл ближе к Энтони, его шаги отдавались глухим эхом в напряжённой тишине. Все замерли, ожидая, что будет дальше. И как только он оказался совсем рядом, выражение его лица вдруг изменилось — жёсткие черты смягчились, в глазах мелькнула насмешливая искра, а на губах появилась лёгкая улыбка. Он неожиданно положил руку на плечо парня и ободряюще похлопал его.

— Да я пошутил, — повторил он уже мягче, и в его голосе зазвучали шутливые нотки. — Расслабься, дружище.

Парнишка выдохнул с облегчением, его плечи опустились, а на лице появилась робкая улыбка. Перед тем как мы стали выходить из школы, Дориан обернулся. Его фигура на фоне дверного проёма выглядела внушительно: плечи расправлены, лицо расслаблено, но в глазах всё ещё плясали озорные искорки. Он обвёл нас взглядом — медленно, будто оценивая эффект от своих слов, — и произнёс с нарочитой серьёзностью:

— Я девочек не бью.

В коридоре повисла короткая пауза. Энтони, стоявший рядом, шумно выдохнул — видимо, только сейчас до конца осознав, что худшего удалось избежать.

— К чему был весь этот концерт? — спросил Линкольн, хмурая брови. В его голосе звучало искреннее недоумение: он явно пытался понять логику босса, но пока безуспешно.

Глава пожал плечами, и на его лице появилась та самая ухмылка — лёгкая, чуть насмешливая, от которой у одних мурашки по коже, а у других — желание немедленно дать ему подзатыльник.

— Ради веселья, наверное, — ответил он небрежно, но в его тоне сквозила нотка самодовольства. Было видно, что он доволен произведённым эффектом.

Вокруг зазвучали приглушённые перешёптывания. А зам только покачал головой, говоря: «Опять эти его штучки».

— Ну ладно, тогда я пошла, — произнесла я, поворачиваясь в другую сторону. — Веселитесь без меня дальше.

Сегодня было явно запоминающееся утро. Шум, крики, адреналин в коридорах школы, а потом это глупое, но весёлое бегство. Ладно, теперь хоть можно и домой пораньше прийти.

Дойдя до дома, я вставила ключ в замочную скважину. В квартире стояла гулкая, ватная тишина. *Ни брата, ни мамы. Шикарно.* Я сбросила туфли у порога, и этот стук каблучков о пол был единственным звуком. Теперь можно отдохнуть в покое, стащить с себя эту надоевшую маску и просто побыть собой.

Я прошла в свою комнату и с облегчением стянула маску. Кожа под ней немного зудела. Я запустила пальцы в волосы, массируя голову, и рухнула на кровать лицом вниз. Вот только спустя примерно десять минут щёлкнул замок входной двери. В квартиру зашли два парня, принеся с собой запах уличной прохлады, выхлопных газов и кожаной куртки брата.

— Юна! Ты дома? — раздался из прихожей его голос, низкий и чуть уставший.

— Ага.

— Тогда иди сюда!

— Зачем?

— Иди!

Я медленно сползла с кровати. *Знаю, я этот тон.* Если

Уэйн что-то задумал вместе с Майклом, проще не спорить. Я вернула маску на место и направилась из своей комнаты на кухню, откуда уже доносился шум.

На кухне Майкл Холд стоял у плиты, колдуя над кастрюлей с лапшой быстрого приготовления. Парень был на удивление хозяйственным. Уэйн уже доставал палочки из упаковки, грея пластиком.

— Ну чего тебе надо? — я прислонилась к дверному косяку, скрестив руки на груди.

— Будешь с нами лапшу есть? — улыбаясь и доставая из кухонного шкафчика упаковки, спросил брат. Его улыбка была заразительной, но я лишь поморщилась под маской.

— Нет, спасибо, я не хочу еды, — проговорила я и перевела взгляд на Майкла. — О, и тебе, кстати, тоже привет, Милашка.

Уэйн тем временем полез в рюкзак.

— Я сегодня умудрился купить энергетики, будешь? — спросил он.

— Энергетик не сравнится с энергией человека, так что нет.

В этот момент Майкл сделал то, чего я от него не ожидала.

— Могу предложить свою энергию, если ты хочешь.

Мы с Уэйном одновременно посмотрели на него с изумлением. Брат даже замер с банкой напитка в руке. Я расплылась в хищной улыбке:

— А вот это уже другое дело.

Я оттолкнулась от косяка и преодолела разделявшее нас расстояние. Не говоря ни слова, я просто взяла его лицо в свои ладони. Его глаза расширились от удивления, но он не отстранился. Я чувствовала под пальцами его тёплую кожу и частый пульс. Моя собственная энергия, тёмная и голодная, потянулась к нему сама собой.

— Юна... — выдохнул он.

Это было похоже на то, как будто я пью через соломинку самый вкусный коктейль в мире. Его жизненная сила чистой, тёплой волной хлынула в меня, наполняя каждую клеточку бодростью. Я чувствовала, как уходит моя усталость.

— ...давай только не все силы его забирай, — донёсся до меня, словно сквозь туман, ворчливый голос Уэйна. — А то кто мою лапшу доедать будет?

Я отпустила Майкла через пару секунд. Он пошатнулся и привалился спиной к кухонному шкафчику. Его щёки покраснелись, а дыхание стало прерывистым.

— Такое чувство, что меня кто-то щекочет... — пробормотал он, пытаясь восстановить равновесие. — А потом резко выкачали все батарейки...

— Это пока, потом ты будешь чувствовать дикую усталость, — со знанием дела прокомментировал Уэйн, возвращаясь к упаковке лапши.

Пока брат заваривал лапшу, распространяя по кухне химический запах специй, мы все уселись за стол. Мальчишки стали уплетать свою лапшу за обе щеки с энтузиазмом.

— Вы как будто год не ели, — смеясь над ними, произнесла я.

— А мне вот что интересно, Юна, сколько тебе нужно, чтобы быть полностью заряженной? — задал мне свой вопрос Майкл.

— Ну, примерно три человека, но если брать такого, как Дориан, то хватит и одного.

— Ты часто проводишь время с Дорианом и Линкольном, они когда-нибудь давали тебе свою энергию?

Я вспомнила тот единственный раз: пустой взгляд босса и его тихое «Хочешь?». *Брр.*

— Дориан когда-то предлагал, но я отказалась, Уэйн.

— Почему? — задал ещё один вопрос Майкл.

— Не знаю.

— Точно! — воскликнул брат так громко, что мы оба вздрогнули. Он хлопнул себя ладонью по лбу. Уэйн порылся в кармане джинсов и достал вибрирующий телефон. — Микель хотел завтра с тобой встретиться, Юна! И поговорить о чём-то...

— Хах, я даже знаю о чём. Брат строго посмотрел на меня поверх экрана смартфона:

— Не перебивай меня! Он сказал, что заедет за тобой завтра в 12:00.

— Хорошо. А Уэйн... — я встала из-за стола и потянулась, разминая плечи. На моём лице играла самодовольная улыбка.

Я подошла и остановилась прямо за спиной брата. Он напрягся, предчувствуя неладное.

— Так, знаю я этот хитрый взгляд, что тебе нужно?

— Можно я возьму твой мотоцикл? — милым голоском начала я выпрашивать у него его прелесть.

— Ну нет, на байке Михеля покатаешься!

Я положила руки ему на плечи и начала мягко массировать напряжённые мышцы:

— Ну, пожалуйста!

Майкл наблюдал за этой сценой с улыбкой:

— Уэйн, тут без вариантов. Если не разрешишь, она тебе плечи все передавит.

Брат тяжело вздохнул и сдался:

— Ладно... Забирай его на завтра. Но учти: если с ним что-то случится — платишь головой!

Я убрала руки с его плеч и радостно взвизгнула:

— Спасибо!

Глава 2. От эскиза к встрече

Я стояла у окна, наблюдая, как секундная стрелка на часах в гостиной медленно, но неумолимо приближается к цифре «12». *Михель. Я знала, о чём он хочет поговорить. О швейной мастерской. О новой куртке, которую я так давно хотела.*

Ровно в полдень со стороны улицы донёлся знакомый, ровный гул мотора. Не рычание, а именно уверенное, басовитое урчание хорошего байка. Я накинула куртку, поправила маску и вышла из квартиры.

Уэйн уже ждал меня внизу, прислонившись к своему мотоциклу. Он окинул меня оценивающим взглядом.

— Только не разбей его, ладно? — проворчал он, протягивая мне шлем.

— Не нуди, старший братец, — я надела шлем и ловко запрыгнула на байк позади него. — Я буду нежной.

Михель ждал меня за углом, сидя на своём хищного вида мотоцикле. Он отсалютовал нам двумя пальцами от виска.

— Юна! Уэйн!

Я кивнула и завела мотоцикл брата. Двигатель отозвался низким, бархатистым рыком, вибрация передалась через руль в ладони — родной ритм. Михель рванул с места первым: его байк сорвался с асфальта, и я, чуть выждав, пристроилась следом.

Мы неслись по городу вдвоём, лавируя между машинами. Улицы сменяли друг друга: сначала — широкие проспекты с многоэтажками, где рекламные экраны мигали неонами даже днём, затем — узкие улочки старого района с брусчаткой, отзывавшейся дробным гулом под колёсами. Ветер бил в лицо и свистел в ушах. Я глубоко вдохнула — воздух был пропитан запахами бензина, нагретого асфальта и горечью осени.

Михель вёл небрежно: он закладывал повороты так, что я на мгновение теряла его из виду за углами зданий, а потом вновь ловила взглядом чёрный силуэт на фоне городских красок. Светофоры, пешеходные переходы, гудки машин — всё оставалось позади, сливаясь в размытую ленту. Я сосредоточилась на дороге, на ощущении свободы, которое рождалось в груди с каждым новым поворотом.

Постепенно город менялся. Высотки отступили, уступив место складам и ангарам с облупившейся краской. Асфальт стал неровным, кое-где зияли ямы, прикрытые ржавыми листами железа. Мы свернули в проулок между двумя заброшенными цехами.

Он вёл меня к старой промышленной зоне — месту, которое я почти не знала. Здесь время будто остановилось: полуразрушенные корпуса, заколоченные окна, колючая проволока вдоль заборов. Но Михель уверенно петлял по лабиринту улиц, пока впереди не показалось неприметное здание с облупившейся вывеской «Швейные услуги». Буквы когда-то были красными, теперь же они поблёкли, местами осыпа-

лись, оставив на бетоне бледные следы.

Мы остановились у подъезда. Мотоциклы заглушили двигатели, и тишина, тяжёлая и осязаемая, накрыла нас после грохота дороги. Я сняла шлем, провела рукой по волосам, взъерошенным ветром, и огляделась. Место выглядело заброшенным, но в этом была своя притягательность.

Это была школьная мастерская, которую Михель каким-то образом прибрал к рукам. Помещение казалось одновременно заброшенным и обжитым: по углам скопилась паутина, но на рабочих поверхностях не было ни грамма пыли.

Повсюду стояли столы с выкройками — некоторые аккуратно разложены, другие смяты и отброшены в сторону. Рулоны ткани разных цветов и фактур подпирали стены. Десятки манекенов в самых неожиданных нарядах заполняли пространство: один в наполовину сшитом пальто, другой — в пёстром платье с оборками, третий — вовсе без одежды, только с метками мелом на пластиковой поверхности.

— Итак! — Друг хлопнул в ладоши. — К делу! Я слышал твои запросы, Юна. Их было... много.

— Я знаю, — я прошла вдоль стола, проводя пальцем по краю рулона плотной джинсовой ткани. — Но в особенности я хочу вот эту куртку.

Я достала из кармана сложенный лист и развернула эскиз, который нарисовала ещё неделю назад. Косуха с металлическими вставками и высоким воротником смотрелась на бу-

маге даже лучше, чем я задумывала: чёткие линии, продуманные детали, асимметричная молния.

Михель взял рисунок, прищурился, изучая каждую линию.

— Ладно-ладно, будет тебе эта куртка, — наконец кивнул он. — Но с условиями: ты помогаешь с раскроем и выбираешь фурнитуру.

— Вот за что я тебя обожаю! — Я рассмеялась и хлопнула его по плечу.

Мы около часа обсуждали детали. Михель доставал образцы застёжек — молнии с гравировкой, массивные кнопки, скрытые крючки — и раскладывал их передо мной. Мы спорили о плотности подкладки: шёлк для лёгкости или фланель для тепла? Рассматривали варианты карманов — накладные, прорезные, с клапанами или без?

Затем Михель взялся за мерки. Он обходил меня со всех сторон, примериваясь, бормоча себе под нос:

— Так, плечи... обхват груди... длина рукава... — Он делал пометки в потрёпанном блокноте с загнутыми страницами, иногда останавливаясь, чтобы уточнить: — Юна, ты хочешь, чтобы воротник застёгивался до подбородка или оставлял немного свободы?

Я отвечала, представляя, как буду носить эту куртку — как ветер будет трепать края, как металл будет холодить кожу, как я буду чувствовать себя в ней неуязвимой.

Пока мы радовались, у парня завибрировал телефон. Он

быстро глянул на экран, поднял палец, призывая меня к тишине, и принял вызов.

— Да, слушаю... Ага, понял. Место выяснили? Хорошо, подходит. Сколько их будет? Ясно. Спасибо, что сообщил. Буду минут через двадцать, — он коротко кивнул, будто собеседник мог его видеть, и завершил звонок.

Друг убрал телефон и посмотрел на меня. В его взгляде читалась лёгкая озабоченность, но он старался этого не показывать.

— Что-то случилось? — спросила я, чувствуя, как радостное настроение понемногу сходит на нет.

— Тебе рассказывали о стычке с «Цинтрой»? — Михель слегка нахмурился. — Ну, недавно вечером наши с ними столкнулись. Теперь хотят «всё разъяснить» — встретиться, поговорить. Меня попросили подыскать место для этого.

— Ну да, слышала что-то такое, — я невольно поправила эскиз куртки, который всё ещё держала в руках. — И что решили?

— Остановились на старом складе на Заводской. Нейтральная территория, никого лишнего. Но теперь надо за Дорианом заехать.

— А где он? — я отложила бумагу на стол.

— У больницы. Вчера в той стычке ему бровь рассекли, пришлось накладывать швы. Сейчас ждёт, пока его выпишут.

— Поняла, — я кивнула. — Значит, туда?

— Да.

Мы переглянулись. Михель быстро свернул разговор о куртке.

— Ладно, детали потом дорисуем! — он махнул рукой. — Поехали!

Мы вышли из мастерской, вдохнули прохладный воздух и направились к мотоциклам. Друг ловко запрыгнул на свой байк, я последовала его примеру — проверила шлем, поправила перчатки и завела двигатель. Через пятнадцать минут мы уже стояли у старой городской больницы: выцветшая краска на фасаде, пара клумб с пожухлыми цветами у входа.

Из дверей вышел Дориан в сопровождении своего зама. Оба выглядели сосредоточенно, без лишних слов они подошли к мотоциклу Михеля, и командир устроился на заднем сиденье позади нашего общего друга.

Линкольн подошёл к нам, засунув руки в карманы куртки.

— Тебя подвести? — спросила я, кивнув в сторону свободного места на моём байке.

— Спасибо, Юнами, но не надо, — улыбнулся он.

— Тогда пока, ребят! — махнула я рукой.

— Удачи! — бросил Михель, и я дала газу, чувствуя, как ветер сразу подхватывает волосы под шлемом.

Вечерний Шиное давил влажным воздухом, пропитанным запахом выхлопных газов, отдалённой сыростью каналов и едва уловимой горечью осенних листьев, гниющих в сточных канавах. Я оставила байк в тени переулка — единствен-

ный островок света давала неоновая вывеска круглосуточного магазина, мигающая с раздражающей регулярностью: «ОТКРЫТО» — вспыхивает, «ОТКРЫТО» — гаснет, будто подмигивая мне в такт неровному биению сердца.

Внутри магазина было душно, пахло пережаренным маслом из фритюра и дешёвым освежителем воздуха с ароматом «морской бриз» — тот тщетно пытался перебить стойкий запах застарелого табака, въевшийся в пластиковые панели и линолеум. Мерцающие лампы дневного света гудели над головой, отбрасывая резкие тени.

Я бесцельно бродила между полками, скользя взглядом по разноцветным упаковкам снеков, банкам газировки и коробкам с лапшой быстрого приготовления. *Не за покупками. Просто чтобы не сидеть дома. Пустая трата времени. Пустая трата жизни.* Каждый шаг отдавался эхом в пустой голове, а мысли крутились вокруг одного: зачем я вообще сюда пришла?

Резко развернувшись, чтобы уйти, я врезалась в препятствие — не стену, а что-то твёрдое и массивное. Удар пришёлся лбом о чужой подбородок, и боль прострелила до самых глаз, заставив на мгновение ослепнуть.

— Ай!

Сверху раздался низкий, хриловатый смешок.

— Осторожнее, малышка. Так и голову можно разбить.

Я подняла взгляд — медленно, почти против воли. Он нависал надо мной, огромный, подавляющий, будто сама тя-

жесть города воплотилась в его фигуре. Чтобы увидеть его глаза, мне, с моими ста шестьюдесятью семью сантиметрами, пришлось задрать голову до лёгкого напряжения в шее. Но не эта гнетущая масштабность заставила меня замереть в оцепенении.

А его энергия была... странной. Она не была похожа на чистую, упорядоченную энергию Майкла — ту, что струится ровным потоком, или на холодную, расчётливую мощь Дорiana. Нет, энергия незнакомца была хаотичной, дикой, с нотками безумия и... опасности. Как пороховая бочка, готовая взорваться от малейшей искры.

От него буквально веяло напряжением — воздух вокруг него дрожал, искрил невидимыми разрядами. Я невольно сглотнула, чувствуя, как волосы на руках встают дыбом. Кажалось, ещё секунда — и он либо расхохочется во весь голос, либо ударит, просто чтобы посмотреть, как я отреагирую.

Его виски и затылок были выбриты до синевы — не модная стрижка, а суровый знак принадлежности к миру, где ценят грубую силу и практичность. Оставшиеся волосы сверху — глубокого чёрного цвета — контрастировали с этой гладкостью. Но главным акцентом служила чёлка: неровными прядями падающая на лицо, почти полностью закрывающая один глаз.

В левом ухе болталась длинная золотая серьга-крест, сейчас лежащая на плече и ловящая свет неоновых ламп. На запястье — толстая цепь с кулоном в виде черепа, поблески-

вающая при каждом движении. Кожа на костяшках пальцев была слегка сбита, похоже, после недавней драки.

Но главное — глаза. Из-под косой чёлки на меня смотрели два янтарных омута — тёплые, как расплавленное золото, но с опасным, хищным блеском. В них читалась смесь насмешки и любопытства — будто он уже просчитал меня на три шага вперёд.

— Смотреть надо, куда прёшь! — огрызнулась я, отступая на шаг и потирая ушибленный лоб. Кожа горела в месте удара.

Он наклонился ко мне, опираясь рукой о полку рядом с моей головой. Нас разделяло всего несколько сантиметров. От него пахло табаком и мятной жвачкой — интересный, но запоминающийся микс. При этом движении его энергия сгустилась вокруг нас, давя на плечи, заставляя сердце биться чаще.

— А может, это ты на меня налетела? Может, ты специально искала встречи? — его голос был низким, тягучим, с насмешливыми нотками. Уголок рта чуть приподнялся в полуулыбке.

— Размечтался, — я прищурилась, стараясь не выдать, как меня нервирует его близость и эта странная, пульсирующая энергия вокруг него. — Ты просто слишком большой, чтобы заметить.

— Докажи, — он чуть приподнял бровь, явно забавляясь. — Покажи, что ты не просто маленькая колючка, которая

прячется за маской.

— Легко, — бросила я с вызовом, чувствуя, как адреналин начинает бурлить в крови, вступая в схватку с его хаотичной аурой. — Купи мне сигареты. И не самые дешёвые, если уж на то пошло.

Он даже не моргнул. Просто оттолкнулся от полки и плавной, почти кошачьей походкой направился к кассе — двигался так, словно весь мир принадлежит ему, а все остальные — лишь декорации в его личной драме.

Я вышла на улицу, прислонившись к холодному стеклу двери. Ветер шевельнул прядь волос, выбившуюся из-под капюшона. Через минуту он появился в проёме. В одной руке — две пачки сигарет. Одну протянул мне.

— Держи. Доказательство получено.

Я выхватила пачку у него из рук, стараясь скрыть, как дрожат пальцы.

— Кайл Голден, — представился он, закуривая свою и пряча вторую пачку в карман куртки. Дым кольцами поднимался в воздух, смешиваясь с запахом города.

— Юнами Рус.

Он выпустил дым через нос, внимательно изучая моё лицо, скрытое маской. Взгляд скользил по линиям ткани, казалось, он пытался проникнуть сквозь неё.

— Почему ты в маске? Боишься показать миру свою красоту? Или прячешь шрам?

Я напряглась. *Откуда он знает?*

— Это вечный вопрос ко мне. И я не люблю отвечать на вечные вопросы.

— Так интересно же. Ты вся такая... загадка.

— Просто не люблю показывать лицо посторонним. Особенно тем, кто выглядит так, словно только что вышел из драки и ищет следующую.

Он усмехнулся уголком губ, и в этом движении было нечто звериное:

— А я вот думаю... я вижу, как ты улыбаешься под этой маской. Улыбка у тебя... дерзкая. Как будто ты знаешь секрет, которого не знаю я.

— Ты слишком много видишь, — я закатила глаза и оттолкнулась от стены, делая шаг назад. — Ладно, дылдочка. Мне пора.

Он на секунду опешил от прозвища, а потом его ухмылка стала ещё шире, почти маниакальной, обнажая ровные белые зубы.

— Дылдочка? Мне нравится. А я тогда буду звать тебя... Масочка. Пока, Масочка. Надеюсь, ещё увидимся. Очень надеюсь.

Я села на байк и рванула с места так, что взвизгнули покрышки. В зеркале заднего вида я видела его фигуру — он стоял под вывеской магазина и смотрел мне вслед своими янтарными глазами, курил и улыбался безумной, опасной улыбкой. Ветер трепал его чёрные пряди, а золотая серьга блестела, как предупреждение.

Свист рассекаемого воздуха в ушах уносил прочь все мысли, кроме одной — его насмешливого «Масочка». *Чёртов псих*. Адреналин бурлил в крови, смешиваясь с тем волнующим предвкушением, что поселилось внутри. *Я только что заглянула в жерло вулкана и обнаружила, что его необузданная сила притягивает меня, как магнит.*

Мотоцикл плавно затормозил у подъезда, оставляя за собой шлейф осеннего запаха. Я заглушила двигатель и на мгновение замерла, всё ещё ощущая спиной его взгляд. Янтарные глаза, чёрные волосы, золотая серьга — всё это отпечаталось в памяти.

Двор встречал меня прохладным вечером. Золотистые листья клёна кружились в воздухе, устлая тротуар пёстрым ковром. Ветер играл с занавесками, врываясь в квартиру через приоткрытое окно, принося с собой запах дождя.

Я вошла в дом, стряхнув с куртки последние капли мороси. В гостиной, освещённой мягким светом торшера, сидела мама. Её осанка, всегда безупречная, выдавала в ней человека, привыкшего держать себя в руках даже в самые трудные моменты. Тёмные волосы, обычно собранные в пучок, сегодня свободно ниспадали по плечам, создавая тёплый ореол вокруг лица. Каждая прядь казалась отлитой из чистого обсидиана.

Домашнее платье цвета чайной розы идеально сидело на её стройной фигуре, подчёркивая изящные линии. На шее поблёскивало тонкое серебряное ожерелье — единственное

украшение, которое она позволяла себе дома. Её руки, ухоженные, с аккуратно подстриженными ногтями, лежали на коленях.

Лицо мамы отличалось благородной красотой: высокие скулы, прямой нос и полные губы создавали гармоничное сочетание черт. В уголках глаз собирались едва заметные морщинки — следы бессонных ночей и пережитых тревог. Карие глаза, такие же, как у меня, сейчас смотрели с теплотой и заботой, а когда она улыбалась, в них появлялся особенный мягкий свет.

— Привет, мам, — произнесла я, снимая уличную обувь и чувствуя, как домашний уют окутывает меня.

— Привет. Где была весь день? — в её голосе слышалась не только забота, но и лёгкая строгость, которая всегда появлялась, когда она волновалась. Её взгляд скользил по мне, пытаясь прочесть все мои секреты.

— С друзьями гуляла, — ответила я, направляясь к комнате брата, где царил полумрак.

Комната Уэйна встретила меня приглушённым светом, проникающим сквозь щель в занавесках. Тени от голых ветвей деревьев танцевали на стенах, создавая причудливые узоры. Он стоял у шкафа, высокий и стройный, в одних спортивных штанах. Его фигура излучала силу и уверенность, словно он был создан из стали и решимости.

Длинные чёрные волосы брата, достигающие лопаток, были собраны в небрежный хвост, из которого несколько пря-

дей выбились и падали на лицо, создавая контраст с его бледной кожей. Густые ресницы оттеняли его выразительные голубые глаза, в которых всегда читался вызов и готовность к действию.

На его шее виднелись несколько маленьких шрамов — следы бурной жизни. Широкие плечи и подтянутая фигура выдавали в нём опытного бойца. Тёмные брови вразлёт придавали его лицу выражение постоянной серьёзности, но в уголках губ пряталась улыбка, готовая появиться в любой момент.

— А если бы я тут голый был? — в его голосе проскользнула лёгкая насмешка, но глаза оставались серьёзными, внимательно следя за моей реакцией.

— Глаза бы закрыла, — парировала я, грациозно запрыгивая на кровать, чувствуя, как пружины прогибаются под моим весом.

Его энергия окутывала пространство вокруг, словно невидимое золотое сияние. Когда Уэйн двигался, я видела переливы этой силы — коричневые всполохи, исходящие от его тела. Они не обжигали, а скорее грели, как лучи заходящего солнца.

Каждый его шаг оставлял в пространстве едва заметный след — туман, который медленно рассеивался. Эта энергия была такой плотной, что, казалось, её можно было потрогать — вязкой, как мёд, но при этом лёгкой, как пух.

Белоснежная футболка, которую он надел, подсвечива-

лась изнутри этим манящим сиянием, делая его силуэт более выразительным.

— Почему вообще не стучишься?

— Могу задать тот же вопрос, когда ты заходишь в мою комнату без стука, — ответила я, наблюдая, как он легко запрыгивает на кровать.

— Ой да ладно тебе, загляни лучше под кровать, — предложил он, и в его глазах заплесало веселье. В этот момент он был самым собой — братом, который всегда готов к новым приключениям.

Моё любопытство взяло верх. Опустив голову, я вгляделась в темноту, где мерцали два маленьких зелёных огонька. Протянув руку, я нащупала пушистый комочек шерсти и вытащила его наружу.

Маленький чёрный котёнок уставился на меня своими огромными глазами, в которых отражался слабый свет комнаты. Его шерстка была мягкой, бархатистой, а лапки — крошечными и беспомощными. Розовенький носик трепетал, исследуя новые запахи, а усы слегка подрагивали.

— Какой он миленький, — прошептала я, любясь находкой, чувствуя, как сердце наполняется радостью при виде этого беззащитного создания.

— Ага, я нашёл его сегодня у старого дома, — в голосе Уэйна слышалась неподдельная забота, его лицо, обычно суровое, сейчас светилось от нежности.

— Мама знает? — спросила я, поглаживая пушистого ма-

лыща, чувствуя, как его мурлыканье наполняет комнату.

— Нет, — признался брат, его лицо выражало надежду и тревогу одновременно.

Котёнок замурлыкал от ласки, и моё сердце окончательно растаяло. Его маленькие коготки слегка царапали мою руку, а хвостик нервно подрагивал, улавливая новые впечатления.

— Мы же оставим его у себя? — спросил брат. Его голубые глаза сейчас светились энтузиазмом, а на щеках появились лёгкий румянец, выдающий его волнение.

— Это смотря что скажет мама, — ответила я, хотя уже знала ответ, представляя в её глазах готовность к компромиссу.

— Мама не тиран, она должна пожалеть это милое создание, — настаивал Уэйн, его уверенность была заразительна, а голос звучал убедительнее обычного.

— Тогда иди ты к ней, тебя любят больше, — поддразнила я, но в глубине души знала, что мама не сможет устоять перед его обаянием и искренней заботой о котёнке.

В одно мгновение маленький пушистый комочек, почувствовав напряжение в воздухе, неожиданно зацепился коготками за мою маску. Ткань медленно соскользнула с ушей, обнажая то, что я так тщательно скрывала от чужих глаз. Маска, ставшая моим вторым «я», бесшумно опустилась на пол, нарушая хрупкое равновесие тишины.

— Ах ты маленький проказник, — с притворным возмущением произнесла я, наклоняясь за маской.

Уэйн осторожно взял моё лицо в ладони, его пальцы невольно коснулись шрама, рассекающего мои губы. В его глазах отразилась такая искренняя тревога, что моё сердце сжалось от нежности. Его взгляд, полный озорства, сейчас был серьёзным, почти болезненным.

— Он стал краснее? — прошептал он, внимательно изучая каждую линию шрама, пытаясь разгадать тайну, скрытую за этим знаком судьбы.

Этот шрам — моя тайна, мой знак судьбы, который появился при рождении и начал проявляться с пяти лет. Маска стала моим постоянным спутником, скрывая то, что могло погубить меня в этом мире, где Высших Одарённых не принимали. Лишь мама, брат и случайно узнавший в детстве Дориан знали правду о моей природе.

— Да, к восемнадцатилетию он станет больше и приобретёт новый оттенок, раскрывая всю суть моей силы, — ответила я, чувствуя тяжесть этой тайны.

— Почему он сейчас красный? — не унимался Уэйн, его любопытство боролось с тревогой за моё благополучие.

— Шрам раскрывается и растёт, это естественный процесс, — объяснила я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри бушевал вихрь эмоций.

— Зачем ты её снова надеваешь? — спросил брат, внимательно наблюдая за моими движениями.

Я поправила маску на ушах, машинально разглаживая складки.

— Просто привыкла уже к ней, — ответила я, отводя взгляд. — Да и маме не особо нравится смотреть на эту ца-рапину. Ну что, пойдём просить оставить котёнка?

Уэйн кивнул, и мы направились к маме. По дороге я нервно теребила край маски — старая привычка, от которой никак не могла избавиться.

Переступив порог гостиной, мы начали наше представление. Я рассказывала о том, как жалко маленького котёнка, как он потерялся и замёрз, как нуждается в заботе. Братец подключился с аргументами о том, как хорошо малыш впишется в нашу семью.

Тридцать минут уговоров пролетели как одно мгновение. Мама не смогла устоять перед нашим напором и искренностью. Её взгляд смягчился, а на губах появилась едва заметная улыбка.

— Хорошо, — наконец произнесла она, и в её голосе прозвучала та самая мягкость, которую мы так хорошо знали. — Пусть остаётся. Но только при условии, что вы оба будете помогать с уходом за ним.

Мы с Уэйном переглянулись и, не сговариваясь, бросились обнимать маму.

— И как же назовём нашего пушистого разбойника? — мама склонилась над котёнком, который увлечённо изучал её тапочки, время от времени задевая их своими лапками.

Брат, присев на корточки, задумчиво почесал подбородок:

— Может, Дымок? Или, например, Ночь? — он бросил на меня вопросительный взгляд, в котором читалась искренность выбора.

Я улыбнулась, наблюдая, как котёнок, понимая, что речь идёт о нём, доверчиво трётся о руку Уэйна, издавая негромкое мурлыканье.

— Знаешь, — произнесла я, поглаживая мягкий мех на его спинке, — мне кажется, Куро подойдёт ему больше всего. В конце концов, его шёрстка почти чёрная, как ночь.

Уэйн кивнул, соглашаясь с моим выбором, его лицо озарилось улыбкой:

— Согласен. Теперь ты — Куро, — прошептал он, почёсывая котёнка за ушком, и тот в ответ довольно замурлыкал, одобряя своё новое имя.

Когда мы пришли в мою комнату, брат остановился у порога. Его силуэт отчётливо вырисовывался на фоне светлого дверного проёма. Лицо стало серьёзным, почти строгим, а в глазах промелькнула тень беспокойства.

— Ты правда собираешься завтра на разборку с «Цинтрой»? — его голос звучал настороженно, пальцы выбивали чёткий ритм по дереву.

Я небрежно пожала плечами, стараясь выглядеть невозмутимой.

— А что такого? — ответила я с напускной бравадой, но голос всё же дрогнул. — Надо же как-то развлекаться. А ты?

Брат покачал головой, его губы искривились в привычной усмешке, но глаза оставались непроницаемо серьёзными. Он опёрся о дверной косяк, в его позе читалась напряжённая расслабленность.

— Да ну, — протянул он с лёгким раздражением. — Дориан с ними в два счёта разберётся. Без меня обойдутся.

Я помолчала, внимательно изучая его лицо. В глубине его взгляда таилось что-то невысказанное.

— Только не лезь на рожон, — добавил он, и в его словах прозвучало больше смысла, чем казалось на первый взгляд.

Я молча кивнула, чувствуя, как внутри смешиваются противоречивые чувства.

Он развернулся, чтобы уйти, но на мгновение замер, будто хотел сказать что-то ещё. Затем с тихим шорохом закрыл за собой дверь, оставив меня наедине с мыслями о завтрашнем дне.

Глава 3. На грани

Склад встретил меня гнетущей атмосферой. Полумрак помещения разрезали лучи заходящего солнца, с трудом пробивающиеся сквозь грязные, покрытые многолетней пылью окна. В воздухе витал запах сырости, металла и старого дерева, смешанный с ароматом машин и ржавчины.

Дориан стоял в центре комнаты, прислонившись к стене. Его светлые волосы, уложенные в характерную причёску с зачёсанными назад прядями, небрежно падали на пронзительно-голубые глаза. На губах играла привычная ухмылка, а чёрная футболка обтягивала стройное, но мускулистое тело. Золотая цепочка на шее поблёскивала в свете.

Пайк возвышался неподалёку, скрестив мощные руки на груди. Его коренастая фигура казалась ещё внушительнее в полутьме. Шрам, рассекающий левую щёку от виска до подбородка, придавал его лицу устрашающее выражение.

Я окинула взглядом помещение, отмечая каждую деталь.
— Я думал, Юны не будет здесь, — произнёс Пайк хрипловатым голосом; его ноздри слегка раздувались, а в глазах мелькнуло удивление.

Я усмехнулась, машинально поправляя прядь своих тёмно-синих волос, которые сегодня были собраны в хвост с несколькими непослушными прядями, обрамляющими лицо. Моя чёрная кожаная куртка, украшенная заклёпками,

слегка поскрипывала при движении.

— Па, ты правда думаешь, что я пропущу такое веселье? — ответила я, стараясь скрыть нервозность за бравадой, но мои пальцы предательски сжались в кулаки.

В этот момент дверь с оглушительным грохотом распахнулась, и в помещение, тяжело дыша и спотыкаясь, вбежал Энтони. Его светлые, почти белые волосы были растрёпаны, одежда помята и запылена, а на лице читалась нескрываемая тревога. Его дыхание было прерывистым, будто он преодолел не один километр бегом. Зелёные глаза лихорадочно блестели от волнения, а руки дрожали.

— Что тебе здесь надо? — нахмурился Линкольн, его массивная фигура в тени казалась ещё внушительнее.

— Проваливай! — прорычал кто-то из толпы, и голоса начали нарастать, превращаясь в угрожающий ропот.

Я поднялась с места, окидывая взглядом собравшихся.

— Ну что вы, мальчики, набросились на бедного паренька? Дайте ему хотя бы слово сказать, — произнесла я, стараясь разрядить обстановку, но в голосе всё равно проскальзывала сталь.

Энтони, не обращая внимания на напряжённую атмосферу, решительно подошёл ближе. Его руки слегка дрожали, но голос звучал твёрдо:

— Насчёт разборок с «Цинтрой»... Вы уверены? Вас просто разводят!

Не успел он закончить фразу, как Пайк молниенос-

ным движением схватил его за волосы. Заставив блондина вскрикнуть от боли, он отшвырнул его в сторону. Энтони с трудом поднялся на ноги, потирая голову. Его лицо исказила гримаса боли, но он не отступил, хотя колени заметно подрагивали, а на лбу выступил пот.

В воздухе повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь дыханием собравшихся. Каждый мускул в помещении, казалось, был натянут как струна, готовая вот-вот лопнуть. Тени на стенах словно ожили, создавая угрожающие фигуры, а атмосфера накалялась с каждой секундой.

— Не надо... — голос Энтони Клэрка сорвался на хриплый шёпот, но он всё равно упрямо шагнул вперёд. По щеке текла тонкая струйка крови из рассечённой брови. — Не надо бороться с «Цинтрой»... «Элигию» пытаются обмануть!

Пайк, один из лучших бойцов «Элигии», медленно повернул голову. Его глаза, обычно спокойные, сейчас налились кровью и яростью. Он сделал шаг вперёд. Грубая подошва ударила по бетонному полу с похоронным стуком, от которого у всех побежали мурашки.

— Вставай, — его голос прозвучал не как приказ, а как смертный приговор. В нём не было ни единой эмоции, только лёд и презрение.

Энтони пошатнулся, но устоял. Он выпрямил спину, пытаясь казаться выше и увереннее. Это был жест отчаяния, вызов гиганту.

Не успел он сделать и вдоха, как мир для него взорвался

болью. Па не бил в полную силу — это было наказание. Обрушился настоящий град ударов: хлёсткие пощёчины ладонями и жестокие тычки костяшками в корпус отбрасывали парнишку назад, пока тот не упёрся спиной в стену склада.

— Пайк! Прекрати! — мой крик, как ударная волна, пронёсся по складу, но он не слышал меня, погрузившись в свой кровавый танец.

— Не лезь, — тихо, но твёрдо сказал он. Его голос был спокоен. — Это его урок.

Па не слушал никого. Он схватил Энтони за грудки одной рукой и с лёгкостью приподнял над полом. Парень беспомощно заболтал ногами в пустоте, пытаясь вдохнуть.

— Что же до тебя совсем туго доходит? — процедил Пайк сквозь стиснутые зубы. Он занёс руку для мощного удара в челюсть — удара, который мог бы отправить блондина в глубокий нокаут или того хуже.

И тогда между ними выросла фигура Линкольна. Он перехватил руку Па в воздухе за долю секунды до удара. Мышцы на его предплечье напряглись под кожей, проступая рельефом канатов.

— Хватит! — рывкнул зам так, что эхо прокатилось по складу. — Ты его убьёшь!

Я воспользовалась секундной заминкой. Шагнула вперёд, глядя Пайку прямо в глаза. В моих зрачках плясали искры накопленной энергии, а вокруг пальцев пробежало едва заметное голубоватое свечение, от которого пространство во-

круг стало плотнее, тяжелее дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.